

Концепт культуры в романе С. Жеромского «Бездомные»

Панищев А.Л.

Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

*Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что уподобляетесь окрашенным гробам,
которые снаружи кажутся красивыми,
а внутри полны костей мертвых...*

Евангелие от Матфея (23 : 27)

Целью данной работы является анализ концепта *культура* в романе С. Жеромского «Бездомные». **Задачами**, сопряжёнными с поставленной целью, являются следующие: во-первых, показать, каким образом в обществе, описываемом в данном романе С. Жеромского, понималась культура; во-вторых, проанализировать отношение самого автора к трактовке понятия *культура*, распространённого в социальной среде его времени; в-третьих, проанализировать вероятные этические и социальные последствия описываемого толкования понятия *культура*.

Понятие *культура* имеет очень глубокие корни, восходящие ещё к латинской античности, однако, несмотря на это, лишь относительно недавно (с конца XVIII века благодаря трудам Аделунга и Гердера) его стали использовать как самостоятельный научный термин. В русском языке слово *культура* впервые зафиксировано в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова (1845). В этом же году литературный критик В. Г. Белинский использует словосочетание *литературная культура*. Так или иначе, но для второй половины XIX века понятие культуры являлось неологизмом. Разумеется, это вовсе не означает того, что народы, объединённые в границах Российской империи, жили вне культуры. Как раз напротив, многие путешественники, побывавшие в России (особенно до периода правления Екатерины II), отмечали необычайную духовную чистоту народов России. Тем не менее будет целесообразным исследовать вопрос, связанный с тем, как в обществе конца XIX века понималась культура, в сущности являющаяся названием определённого понятия, связанного с достижениями человечества в общественном, интеллектуальном, производственном отношении. Именно в это время наблюдается активное проникновение термина *культура* в литературный язык (по сути представляющий собой высшую форму общенародного языка), а стало быть, и в общенародную языковую среду, объединявшую национальности, входившие в состав Российского государства.

Одним из путей такого исследования может стать анализ контекстов употребления слова *культура* в трудах писателей, произведения которых в

основном отражали те существовавшие языковые нормы, ту степень общественного и умственного развития, присущие тому или иному народу в определённый исторический период. Одним из таких писателей является польский писатель Стефан Жеромский. Выбор творчества именно этого писателя обусловлен тем, что по национальной и языковой принадлежности он был поляком, то есть представителем тех земель, через которые пролегали многие пути взаимоотношений между Россией и странами Западной Европы. Стало быть, понятие культуры не могло прийти в русскую среду, минуя польский язык. Польша же в то время была частью Российской державы, поэтому коммуникации между польским и русским языками были особенно сильны.

Поле для данного исследования будет роман С. Жеромского «Бездомные», изданный в 1900 году. В произведении весьма остро поднимаются социальные вопросы, прежде всего социальной и профессиональной ответственности, что отнюдь не помешало автору отобразить понимание культуры, свойственное обществу его времени, а также, вероятно, его личному мировоззрению. Нельзя утверждать, что в данном романе понятие *культура* используется С. Жеромским столь уж часто; скорее наоборот, настолько редко, что поддаётся простому подсчёту и встречается на протяжении всего произведения не больше, чем в десяти случаях. Однако такого плана употребление данного понятия выглядит весьма целесообразным, обоснованным и уместным.

Одно из первых употреблений понятия *культура* было сделано в социальном ключе, в смысле разделения людей по их классовой принадлежности. «Каждая из этих баб так как-то живо заинтересовывает, каждая из них, даже эта старуха, – существо современное, представительница того, что мы называем культурой. А я – что ж я... Сапожничий сын...» [1, 244]. Уже здесь, с первого упоминания в романе понятия *культура*, отмечается её социальная ориентированность, её характер, напоминающий некую пограничную линию между одним сословием и другим. Складывается впечатление, что такое использование данного термина предполагает разделение человеческого мира на две части: сословий, приобщённых к культуре, и сословий, отрешённых от культуры. Сама же культура фактически выступает неким пространством для социальной идентификации человека. Такой подход к пониманию культуры, подчёркивающий корреляцию между понятиями *культура* и *сословие*, сохраняется и на протяжении остальной части романа. Вместе с тем в романе С. Жеромского отображается то, что в обществе конца XIX века культура преимущественно понимается как своеобразная поверхностная характеристика, подчёркивающая, главным образом, лишь внешнюю сторону человеческой жизни. В главе «Цветок туберозы» С. Жеромский даёт описание человека, ведущего фактически паразитический образ жизни, но вместе с тем своими изысканными манерами завоевавшего уважение и благосклонность некоторых представительниц прекрасного пола. «Быть красивым и изящным человеком и за эти свойства быть любимым чудеснейшим созданием на

земле» [1, 360], – с горечью подмечает главный герой романа. Далее идёт описание цветка туберозы – бесполезного, опасного, но внешне красивого и привлекательного, а посему так тщательно оберегаемого. Даже в медицине, которая, по убеждению героя романа, призвана указывать жизненные пути человеческим массам, возвышать их и возрождать мир [1, 302], культура также понимается, прежде всего, в смысле социальных привилегий и материальных ценностей. Вот так говорит один из врачей: «Основой жизни, самой сущностью человеческих устремлений является стремление каждого человека к культуре, к превосходству, к тому, чтобы жить в хорошей квартире и... стремление к богатству» [1, 295]. Такие рассуждения были свойственны обществу в целом, и это сложившееся положение дел, отнюдь не ассоциирующееся с чем-то положительным, прогрессивным, показано С. Жеромским в его романе.

Увлечение исключительно внешними формами поведения, привлекательным наружным видом человека – причём на фоне невнимания к его внутреннему содержанию – в конечном счёте привело к выхолащиванию человеческой души, превращению человека в своеобразную машину для труда изнуряющего, приводящего к озлобленности, а подчас и к безумству. Примечательно, что в уже упомянутой главе «Цветок туберозы» безнравственность внешне приличного пана подмечает только ксендз – духовное лицо католической церкви в Польше. Выбор С. Жеромским духовного лица для констатации нравственной беспринципности данного пана, думаю, не случайный, ибо на фоне общественного внимания к внешнему поведению, к показному справедливое замечание *ксендза* лишь подчеркнуло внутреннюю опустошённость общества, как предвестие кризиса религиозного сознания. Как бы акцентируя внимание на назревающий кризис, С. Жеромский (полагаю, не столько в порядке критики, а сколько в порядке описания реальной ситуации, свойственной тому времени) пишет о том, что «в конце завтрака ксендз утащил Юдыма в кабинет выкурить папиросу» [1, 356]. Здесь нельзя забывать о том, что, согласно христианским канонам, табакокурение является большим грехом, ибо лицо человеческое есть образ Божий, а дым и зловоние, исходящие от курящего человека, ни в коем случае не могут пониматься как атрибуты образа Божьего. Собственно говоря, эта, на первый взгляд, мелкая деталь, тем не менее, играет существенную роль, а именно: акцентируется мысль о нарастании серьёзного духовного кризиса общества конца XIX столетия.

Формализация понятия *культура* в конечном итоге во многом поспособствовала деградации, губительному разрушению всего высшего сословия, для которого было доступно высшее образование, а, следовательно, высокое общественное положение и ключевые должности в социуме. Такие люди, получившие образование, отличающиеся внешне красивыми, изысканными (культурными) манерами поведения, в практической жизни нередко ради своих амбиций способны на многое то, что никоим образом нельзя считать приличествующим званию человека. Такого рода люди могут причинить вред живой берёзке (прострелить её ради

демонстрации своей удали перед девицей), загрязнить реку (запрудить её илом), столь нужную сельским жителям, отправить только что вылеченного человека на трудную работу, которая ему строго противопоказана по состоянию его здоровья. Самой же серьёзной угрозой, идущей от этих негативных социальных процессов, представляется то, что страдает система воспитания, которая, по мере проникновения в неё людей с формальным пониманием культуры, становится проводником норм этикета, оторванных от истинной духовности. Для иллюстраций этой мысли С. Жеромский обращается к идее женского образования, довольно-таки часто и активно обсуждаемой общественностью во второй половине XIX века. Основная направленность этих острых дебатов состояла в констатации того, что эмансипированная женщина теряет женственность, но всё равно не в состоянии составить полноценной замены мужскому труду. Что же касается высшего женского образования, то здесь главный герой романа рассуждает так: «Девушка, окончившая университет, может быть такой же недоброй, как крестьянка, но её моральные поступки по необходимости будут лучше, чем поступки крестьянки, и от этого окружающий мир безусловно выиграет. По мере возрастания культуры стираются различия, которые вызваны более низким уровнем женщины и отсутствием работы над его понятием» [1, 389]. Таким образом, мы видим, что опасность выхолащивания культуры чревато тем, что чрез такого рода трактовку понятия *культура* может произойти дезориентация человека в праксиологической системе, утрата правильного видения смысла практических поступков людей, что в конечном итоге чревато софистическими подменами в иерархии общественных ценностей.

Вместе с тем нельзя не признать то, автор романа нашёл возможность выразить правильное понимание культуры, которое является должным по своей сущности, хотя и не столь часто встречаемое в объективной действительности. Так, когда речь идёт об умершей учительнице, прожитой ею жизни, в этом случае С. Жеромский употребляет понятие *культура* в истинном смысле этого слова. Окончившая земное поприще, эта труженица, подвижница, принявшая на себя тяжёлую обязанность, испытала много лишений, страданий ради достижения высокой цели. Самоотверженная жизнь учительницы, стремившейся к тому, чтобы её деяния, её учительская работа принесли людям пользу и добро и во многом помогли бы понять подлинное назначение человека в мире, описывается автором в библейских словах, исключительно в категориях духовной чистоты, благочестия, доброты и беззаветной преданности своему делу. Для этой учительницы высшим наслаждением являлось то, что «можно было вкусить от плодов отечественной культуры» [1, 380]. Именно таким благородным, образованным, чистым, добрым женщинам, как убеждён главный герой романа, следует доверять воспитание и образование детей. Печальным, конечно, является то, что учительница умирает. Эта смерть по сути дела как бы знаменует собой утрату истинной культуры и подмену её фальшивой, показной и ненастоящей культурой, оторванной от человеческой природы.

Думается, что люди, утратившие правильное понимание культуры, – поистине бездомные, ибо в их духовном мире нет дома, который возможно построить в атмосфере духовной чистоты и внутреннего благородства. Та среда обитания существенной части общества, описанная С. Жеромским в довольно-таки мрачных тонах, есть только рельефное отражение духовного состояния общества (по крайней мере, значительной его части). Оттого-то люди оказываются, по существу, бездомными, не в том смысле, что у них нет крыши над головой, а в смысле духовной опустошённости. Впрочем, здесь опустошённость принимает релятивный характер, поскольку она сама по себе не может мыслиться в силу того, что человеческая душа неизбежно наполняется либо добрыми устремлениями, либо злыми, а *tertium non datur* (третьего не дано). Разумеется, в данном случае читатель может возразить, указав на людей, в которых уживаются оба начала. На это возражение будет уместно ответить словами Ф.М. Достоевского: «Высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, кто уж с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны...» [2,128]. Более того, состояние души, характеризующееся двойственной интенцией, есть результат утраты базового свойства человеческой природы – целомудрия. С. Жеромский также подмечает эту очень важную сторону человеческой природы, в частности женской. Писатель пишет: «Если в душе женщины есть пустота, которую могло бы заполнить стремление к свету, то в этой пустоте, по неизбежному порядку вещей, взращиваются плоды злобы, глупости, дурного воспитания» [1, 389]. Иначе говоря, автор отмечает то, что срединное состояние в динамике развития человеческой души невозможно, ибо если в ней нет торжества разумного начала, то доминирование тёмного – закономерное явление. Поэтому-то будет правильным сказать, что человек с искаженным видением культуры настолько сильно разрушает свой духовный мир, что в нём становится немислимым всякое разумное делание и добродетельная жизнь. Отсюда такое увлечение показным, формальным, поскольку если духовный мир обнажать неприлично, некультурно, то остаётся обращаться лишь к внешним формам поведения.

Невольно приходит на память роман польской писательницы Элизы Ожешко «Аргонавты» – одно из замечательных произведений, вошедших в сокровищницу европейской литературы XIX века. Автор романа, как и С. Жеромский в своём творчестве, убедительно показывает отчуждённо-пренебрежительное, неестественное отношение, имеющее касательство к пониманию определённой частью общества культуры. В романе «Аргонавты» Элиза Ожешко правдиво и с горечью указывает не просто на формализацию культурной жизни, но и на её сущностную искажённость, когда господствуют тёмные инстинкты стяжательства и хищничества. Главный герой «Аргонавтов» – миллионер, для которого главное – нажива, показное великолепие, ослепительный блеск его дома и неудержимое накопление материальных богатств, которые создают завидное положение в обществе. У этого хищника с утончёнными манерами, с обширными

знаниями во многих областях своя философия, которая представляет как бы квинтэссенцию мышления, присущего обществу буржуазии. Для этого дельца не столь уж и обязательно следование нравственным принципам, и он придерживается правила, гласящего: чем скорее побеждённые погибнут, тем будет лучше для них. Для него люди, не достигшие положения в обществе, бедные в финансовом отношении не представляют интереса. Здесь примечательно описание одного пана, который наделяется эпитетом «милейший», но почти сразу же к этому слову прибавляется другое определение – «убожество» [3, 237]. Однако человек, наделённый нелестным словом-характеристикой – «убожество», не вызывает столь серьёзных опасений, так как его слабость и несостоятельность очевидны. Совсем другое положение дел мы наблюдаем, когда человек, наделённый большим умом, высочайшим профессионализмом, которые могли быть использованы на благо страны, по сути не обладает истинной культурой. В этом случае сила его ума, весь талант и огромная энергия, поражающие всех сталкивающихся с ним, оборачиваются злом, ибо в каждом его, казалось бы, взвешенном, всесторонне обоснованном слове проглядывает беспощадность удава, а в каждом масштабном проекте происходит дискредитация самой культуры в глазах значительной части общественности. Поэтому-то отнюдь не случайно для отличающегося внешней красотой, остротой ума и образованностью Мариана, единственного сына этого богача (как, впрочем, и для других представителей «золотой молодёжи») понятия *нравственность, брак, семья, религия* – «крашенные горшки». Именно к таким людям обращены слова одной из героинь этого романа: «Вы, несомненно, продукт высокой культуры, поэтому трудно понять, что в вас природа, и что искусство. А этот ваш новый облик так сложен и загадочен...» [3, 336]. В принципе такого рода «загадочность» духовно опустошённых сынов «конца века» в большой мере объяснялась и тем, что эти крайние индивидуалисты оказались перед искушением приблизиться к идеалу ницшеанского волевого, сильного сверхчеловека. Примечательно то, что упоминание о популярности идей Ф. Ницше есть и у С. Жеромского, и у Э. Ожешко, но у автора «Аргонавтов» даётся образ сверхчеловека, описанного с предельной точностью [3, 306]. Популяризация этой ницшеанской идеи есть закономерный результат утраты внутренней чистоты, своей души, а за неимением её, стремлением подчинять себе души других людей. Поэтому-то вся культура, в том смысле, в котором её видели многие люди, оказалась ненужной, обременительной, некими «крашеными горшками» – именно о них говорила умирающая дочь миллионера, не сумевшая примириться с лицемерием и ложью, царившими в роскошном доме её отца.

Таким образом, мы видим то, что проблема выхолащенного, формального понимания культуры ставилась С. Жеромским не случайно и нашла своё отражение в романах других польских писателей конца XIX века. Основными **выводами** данной работы будут следующие:

Во-первых, в польском обществе конца XIX столетия понятие *культура* использовалось относительно широко, однако понималось формально, без

должного внимания к духовным основам бытия человека. Фактически в общественном сознании культура оказывалась только синонимом понятию *этикета*. Истинная же культура состоит в повседневном следовании нормам *духовного благочестия, чистоты и благородства*.

Во-вторых, сам С. Жеромский осознаёт пагубность и трагичность такого толкования культуры, а внешнюю, социальную и экономическую неустроенность значительной части населения видит, в основном, в духовной опустошённости людей. (Здесь для сравнения и одновременно подтверждения данной мысли обращается внимание на роман Э. Ожешко «Аргонавты», где показан миллионер, который, несмотря на кричаще роскошную жизнь, кончает жизнь суицидом). Более того, несмотря на то, что С. Жеромский через размышления главного героя романа сочувствует бедным людям, задавленным непосильным, вредным для здоровья трудом, тем не менее отмечает и их внутреннюю непорядочность, вороватость и беспринципность [1, 311-312]. Таким образом, писатель указывает на то, что материально хорошо обеспеченные и малообеспеченные люди страдают схожими нравственными заболеваниями, а антисанитария, господствующая в кварталах бедных людей, есть только зримое отображение отсутствия в людях духовной чистоты.

В-третьих, С. Жеромский в искажённом понимании культуры видит симптомы духовного упадка общества, признаки приближения эры господства материальных ценностей, что чревато вырождением человеческой природы, усилением потребительских настроений в отношении своих ближних, наконец, ожесточённостью и преступностью многих людей.

Список используемой литературы

1. Жеромский С. Бездомные. // Жеромский С. Избр. соч. В 4 т. Т. 2, М.: Художественная литература, 1958.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., Т., 11, М, 1982. С. – 623.
3. Ожешко Э. Аргонавты. // Ожешко Э. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1996. – 217-430 с.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу концепта *культура* в романе С. Жеромского «Бездомные». В работе отмечается то, что в конце XIX века в социальной среде утвердилось формальное понимание культуры, что в конечном итоге привело общество к духовному кризису.

Summary

This article is devoted to analysis to the concept of *culture* in the roman of Stefan Żeromski “Homeless People” (“Ludzie bezdomni”). In the article noted that in the finishes of XIX century in the society work out formal understanding to the culture, which led to soul crisis.

Ключевые слова: культура, общество

Key words: culture, society

Панищев А.Л. Концепт *культуры* в романе С. Жеромского «Бездомные» / А.Л. Панищев // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. - 2010. - № 11. С. 185-193.